
Автор представлен членом Художественного совета **Дмитрием Ревским**

Детство

и ничего пока еще не знаю,
лишь радуюсь, что мир, и май, и труд...
но белое постиранное знамя
вывешивает мама поутру
и говорит с утробой, точно с сыном.
спит бабушка, не покладая спиц -
становится гребёнкой и косынкой -
становится землёй и снова спит.

а мы её никак не отпускали -
всё ездили на поиски в санях,
бродили перелесками, песками,
высматривали в горле у меня...
кто пригласил осиновые войны
лупить по стёклам? а теперь смотри,
как детство неживое, ножевое
в земные проникает буквари.

вот кто-то чёрный по ночам пугает,
рядится то совой, то мертвецом
с висящими передо мной ногами -
и на двоих у нас одно лицо.
там, где площадка яростно хохочет,
в заборе дыры для отцовских глаз.
и август - непреодолимый отчим,
пока с работы мама не пришла.

ура, приходит! полная дарами!
окно открыла, занялась мытьём...
от мамы остаётся только рама
и в рамке - небо, и она на нём.

а бабушка связала всё на свете -
равнины, горы, горьких сыновей
и дочерей своих – и жизнь, и смерть их -
в колодце, в море, в скошенной траве.
а мы им имена навывдавали,
мы говорили: Николай, Андрей,
мы называли: Александра, Валя...
мы горечь обозначили словами,
переводили в непрямую речь.
так долго эти камни нарекали,
что пальцы пересохли и устали.
кто доиграет в мяч? река ли?
а может, лес, пока не постарел?
пока выводит на листе тетрадной
одну лишь маму, мир, весну и радость
и отдыхает каменная Таня,
по горло в серебре

Под вечер к нам война приходит в дом...

под вечер к нам война приходит в дом,
а мы её - да под чаёк с вареньем.
там выстрел обрывает чьё-то время,
а мы смеёмся за секунду до...
нет, нас ничем, ничем не напугать,
мы - разухабистая детвора, мы -
рождённые, чтоб колесить дворами...
на друга друг идёт, как на врага,
взаправдашней игрушечной войной,
в еловые убежища чудовищ
прицельно метит...вспоминая дом, лишь
когда он сам окликнет за спиной.

а что они? седые февраль,
всего две сказки - на двоих, по-братски,
как завтрашние мёртвые везли
сегодняшних на санках ленинградских.
оставленные говорить вдвоём
/а это означает, что молчали/,
его дымок и ниточка её
всё вьются, вместе. и несладок чай мой,
и голос свой, пускай издалека,
сплетаю с ними. и не засмеяться
над тем, как водосточная щека
не знает ни огласки, ни румянца.

так пресный хлеб, предчувствуя беду,
нас приучает к малому. и присно
так журавли напрасно руки ждут
и доживают в небе афоризм свой

Обычное

голова ты моя голова, ну за что ты со мной, за что?
почему ты такая бездонная и большая?
всё бы выкинуть из тебя, не откладывая на потом...
нет, оставлю. пусть будет. не очень-то и мешает.

расстрелять не даёт в одночасье заклинивший спусковой
одинаковых дней нескончаемую обойму,
и порой застаёшь себя улыбающимся от того,
что тебе - как обычно. не более чем небожно.

законное небо твоё пополам раструбил завод,
ничего не случится в прокрустовой ветхой раме -
лишь твой брат по земле, с тополиной отрубленной головой,
только сёстры по хлебу, с крылатыми голосами.

Мартовское

нелепо болен, горделиво сгорблен,
в любви по сердцу, по уши в зиме,
бредёт себе, не разбирая горя,
ах, этот кто-то... нет ему примет.

в зверинце мыслей торопливый заяц
за скобки прыгнет, сгинет - не догнать.
вчерашний день скользит и уползает,
а в завтрашний вгрызается весна.

глухой трамвай подкатывает к горлу,
на лицах улиц отголоски ног,
а человек глядится в непогоду
и выдыхает солнце между строк

Из точки А

это начало движения из точки А -
ах, золотое время.
знай, продирайся сквозь тернии черновика,
телеграфируй – прибуду нескоро и тчк.
весь алфавит впереди.
счастливые не стареют.

даже когда они счастливы без пяти
/съеден не зря билетик/,
даже когда, пусть немного, но не хватило.
всё потому, что Б – не конец пути, а
строчки еще не болят
и время еще не лечит.

страшно спугнуть, рассматривая точки В
медленное начало:
будто бы по частям рождается человек -
вот голова,
вот шапка на голове...
вот появляются руки
и расцветают
алым

Вслепую

ненужному – не верить, затереть,
завесить негасимые экраны...
мы были и ранимее, и острее,
и не казалось страшным или странным

играть вслепую, без поводыря,
ходить на красный, ездить по перилам
и блефовать, по правде говоря
/но руки только правду говорили/.

и не было важнее дела, чем
поймать новорождённую минуту,
спасая от непрошенных врачей -
от времени, от стрелок, что бегут, но...

но смерти нет – пусть вытекает газ,
пусть корчится в полураспаде атом,
а если есть – то точно не для нас,
представивших, как на восьмом и пятом

спешат тела соединиться встык,
покуривают, свесившись с балконов,
мужья блаженны, сладостно-пусты,
а жены обрывают телефоны,

заранее продумывая мечь -
с подругой в бар, покраситься в блондинку...
да будет каждый встреченный самец
ремейком пресловутого Эдипа,

который полагает, что прозрел,
глаза заливший розовостью стёкол.
при свете роковая дама трэф -
вульгарная стареющая тётка.

кривлянье масок, тонкокожесть ширм...
участвовать нельзя уйти, увы мне.
но отвернись, себя развороши,
и выпорхнут - цветные, как живые,

слепцы-слова, шагнувшие за грань,
в паденье потянувшие за платье,
и я, переведённая на брайль,
и ты – мой пронизательный читатель.